

**«Я жажду! Я страдаю!
Я жизнью не сыт!»**

19 мая 1935 года близ города Сабирабада (прежде – Петропавловск, старейшее русское поселение в Муганской степи, основанное переселенцами из южнорусских губерний), где сливаются реки белой Куры и красно-жёлтого Аракса, у капитана корабля «Чапаев» родился сын – будущий поэт, ещё более известный как переводчик, Владимир Абдулазимович Кафаров.

Страсть к морю у Кафарова – кровная, в крови: отличный пловец, он прыгал с трёхметровой вышки; а на Нефтяных Камнях, в основание которых среди прочих был заложен затопленный пароход его отца, он проведёт в общей сложности три года.

Другая его страсть – стихи, литературное творчество, которым он занимался с юных лет.

В 1957 году Владимир Кафаров был принят в Союз писателей СССР. В 21 год! По советским канонам это – феерическое начало литературной карьеры, тем более, что у ещё учившегося на последнем курсе Азербайджанского государственного университета студента не было издано ни одной книги.

Но рекомендацию дал сам Константин Симонов.

А Павел Антокольский написал: «Перевод его точен в той мере, в какой может быть точен поэтический перевод. Это означает, что в нём нет буквализма, нет рабской кальки подлинника, но зато есть верность его духу, соответствие той правде жизни, которая стоит за песней, которая в ней подразумевается, как её душевный подтекст. Но это и означает, что перевод Кафарова может быть назван явлением русской поэзии».

Можно сказать и так: каждое стихотворение должно умереть в переводе, чтобы состояться на другом языке. В этом поиске умирание и воскрешение – одно и то же. Кафаров вслед за Уитменом мог бы воскликнуть: «Я весь состою из множества воскреший!»

Этот аванс Кафаров отработал сполна. Собственных книг у него немного: «Невеста» (1961), «Две крепости» (1963), «Лермонтова, 123» (1965), «Бронзовый ветер» (1968), «Огонь на ветру» (1972).

Но как переводчик он поднял огромный пласт азербайджанской литературы. Переводиться у Кафарова считалось почётным.

Когда ему предложили квартиру в только построенном Доме писателей на улице Гуси Гаджиева, он отказался, опасаясь наплыва соседей, для которых перевод на русский язык был прорывом в свет, в мир (в шуточном стихотворении Кафаров сравнил себя с амбалом).

Его переводческое творчество поражает своей масштабностью и разнообразием: шушинец Молла Панах Вагиф через расстояние в 500 лет протягивает руку турецкому суфию Юнусу Эмре; дастан «Кёроглу» перебивался штучными средневековыми газелями Физули и Мехсети; арузам Алиаги Вахида перебежали дорогу верлибры Расула Рзы; ашуг Хестэ Гасым вибрировал в лад с классическими ритмами Самеда Вургуна; либретто к опере Узеира Гаджибекова «Лейли и Меджнун» подхватывали песни Рашида Бейбутова – и, как в мифе, к чему бы ни прикасалась рука Мастера, это тут же превращалось в золотой самородок.

Но если о переводах, то самое важное достижение Кафарова – баяты. Баяты – издревле распространённая форма азербайджанской устной народной поэзии, монострофа, состоящая из четырёх строк семисложного размера хеджа. В рифмообразовании баяты важную роль играют джинасы – омонимические рифмы, а также редифы – повторения одного или нескольких слов в конце строки после рифмы.

Вся жизнь азербайджанца – от рождения до смерти – проходит в сопровождении баяты, начиная с колыбельных песен и кончая похоронными причитаниями. Собрание баяты – не просто достоверная картина жизни, а проявление главной тайны национальности азербайджанского народа – своего, присущего только ему взгляда на вещи. На протяжении десятилетий ни до, ни после Владимира Кафарова никто не отваживался на перевод этого фольклора, изошрённого по стилю и способу выражения и отточенного временем до блеска. Владимир Кафаров в свои 25 лет не побоялся взвалить на плечи этот непомерно тяжёлый груз. Здесь он уже выступал не в роли «амбала», скорее – Атланта.

Кафаровский артистизм проявлялся и в поступках, ставящих его в центр всеобщего внимания – в подпитии он мог с купеческим размахом в ресторане опрокинуть стол и накрыть новый (*Э.А. вспоминала, как обиженный её отказом в сватовстве, он – уже немолодой – несколько часов простоял босым на снегу перед её домом*), но и во внешнем облике: беспрестанно дымящий папиросами, он вдруг заводил трубку, фетровая шляпа и классический костюм с ярким красным галстуком сменялись беретом и кожанкой. Но неизменным оставался самовар: дома, в редакции, на даче.

На даче он выделил себе кабинет, самолично сколотил письменный стол и тахту. Этой столярной работой он так гордился, что прикрепил к тахте факсимиле.

В середине 80-х, оседлав волну перестройки, ЦК комсомола Азербайджана (и весь союзный комсомол) активно занялся альтернативным предпринимательством. Не забыли и литературу – в правом крыле здания Баксовета (где и располагался Центральный комитет) собрали «салон отверженных». Диссидентствующей вольницей, почуявшей ослабевшие узды, наверное, только и мог управлять Владимир Кафаров – он только внешне напоминал вальяжного, ленивого, усатого кота; резко пресекая политическую составляющую, он абсолютным слухом вылавливал фальшь в технической оркестровке стиха и сбивал спесь с любого новоявленного «гения». Аудитория веселилась, а автор считал себя оскорблённым. Это несоответствие мощи кафаровского удара по ремесленническим стихам вызывало удивление, но Кафаров судил (себя прежде всего) по высшей мере. Итогом этих меджлисов стала книга – первая публикация для большинства авторов. Из тех имён, которые прочно закрепились в русскоязычной бакинской литературе, которых привечал и сам Кафаров, назову Экрама Меликова и Севиндж Гейдарову.

В суровой кафаровской школе я так был удручён своим неумением, что на долгие 10 лет зарёкся от сочинительства. До сих пор не знаю, как делать стихи. Не годится даже колдовской рецепт Раймона Кено: «Возьмите слово за основу,/ И на огонь поставьте Слово./ Добавьте мудрости щепоть,/ Наивности большой ломоть,/ Немного слёз, немного перца,/ Кусок трепещущего сердца,/ И на конфорке мастерства/ Прокипятите раз и два/ И много-много раз всё это./ Теперь пишите. Но сперва/ Родитесь всё-таки поэтом». Выразить хорошими словами какое-нибудь чувство – ещё не значит быть поэтом. Поэзия и стихотворчество – вещи совершенно разные. Поэзия и в наше время – неотцифрованное шестое чувство. Но я знаю, благодаря Кафарову, как стихи писать не надо. Я бы очень хотел назваться учеником Владимира Абдулазимовича Кафарова. Но никогда на это не решусь.

Кафаров – также один из основателей военного жанра азербайджанской постсоветской журналистики. В газете «Бакинский рабочий», где он являлся заместителем главного редактора, печатались его очерки, статьи с фронта.

Владимир Кафаров ушел из жизни 19 июля 2000 года в возрасте 65 лет от тяжелой болезни, оставив после себя прекрасные стихи и переводы. И – добрую память о себе.

Марат ШАФИЕВ